

МН
№ 59

0773 163 7557

2019

30119 2/10 ©

Леонид Нечаёв
Ромашка
и Черныш

повесть

художник С. ЯРОВОЙ

Москва • Детская литература • 1988

ELRS 711550

Глава первая

Ромашка, «волк» и другие

Ромашка в самом деле похож на цветок. И не столько на ромашку, сколько на весёлый весенний одуванчик, что украшает своей яркой головкой всякий двор, и придорожье, и лужайку, и бережок. Спит Ромашка, разметался, душно ему под одеялом...

Но вот он просыпается и тотчас оказывается у папы на руках. Лежит на папином плече, отдыхает от сна. Голубая майка на спине взмокла от пота — Ромашке снилось, будто он на тракторе работал.

— Ромашка, Ромашка, какой ты большой! — улыбается папа.

Ромашка в ответ крепко прижимается к папе. Нравится, когда называют большим.

— Ну-ка, быстро умываться! — раздаётся из двери мамин голос. — Каша стынет...

Ромашка охотно идёт умываться. Любимое занятие. Намочит

ладони, лицо и так стоит слушает. Труба подвывает, как волк. А может, правда, в трубе волк живёт?.. Волку там тесно, труба жмёт, и он плачет. Ромашка жалеет волка, вытирает капающие из крана волчьи слёзы, приговаривая:

— Не плачь, волк! Я буду с тобой дружить. Только, пожалуйста, не ешь зайцев!

Волк недовольно фыркает.

Каша совсем остыла: мама нетерпеливо хватается Ромашку за руку, тащит на кухню. Волк тоскливо подвывает тоненьким голоском. Ромашке хочется дослушать долгую руладу, но маме некогда. Мама с папой всегда куда-то спешат...

Но вот наконец Ромашка за столом. Ложкой, как ковшом экскаватора, он размеренно зачерпывает кашу и загружает ею рот. Маме, однако, не нравится такая работа — она выхватывает у Ромашки из рук ложку и сама торопливо набивает ему рот кашей.

Ромашка вздыхает: бедная мама, всегда ей некогда! Он ласково смотрит на неё, гладит ладошкой её щёку. Мама не может сдержать улыбки, целует Ромашку, но тут же снова напускает строгий вид. Это для того, чтобы Ромашка кашу ел.

— Папа,— говорит Ромашка, покончив с кашей,— нам нужно купить лошадь.

Папа не отрывается от газеты. Ромашка терпеливо ждёт.

— Лошадь большая, она у нас не поместится,— наконец отвечает папа.

— Верно,— соглашается Ромашка.— Нам нужно приобрести маленькую лошадь.

— И учись правильно произносить звук «р». Вот послушай, как я произношу: вер-рно, пр-риобр-рести...

Ромашка так и не получил ответа, купят ли ему маленькую лошадку.

Недавно он ходил с папой далеко-далеко на пруд. Там в воде играли пёстрые утки. Они ныряли, и потом с их спинок скатывались блестящие шарики воды. Одна из уток уснула прямо на воде, завернув голову под крыло. Ромашка, глядя на неё, тоже попробовал завернуть голову куда-то под мышку, но не получилось. Самое же главное было не это. Ромашка перешёл по камешкам ручей и увидел прямо перед собой рыжего жеребёнка. «Смотри, какая лошадь маленькая!» — в восторге закричал он тогда папе и показал рукой выше головы. Ромашка протянул к жеребёнку руку, и тот пощекотал ему ладонь мягкими губами. Жеребёночкина мать стояла поодаль, смотрела на них. Жеребёнок обнюхал Ромашкины красные сандалики и побежал к своей матери.

Такого жеребёнка и просил Ромашка у папы. Папа отвечал, что лошадей в квартирах не держат, потому что лошади не помещаются

в них, даже маленькие. Но Ромашка никак не мог с этим согласиться: в комнате вон сколько места!

— Ты бы ещё слона попросил в квартиру...

Это мама. Это означает, что ни жеребёнка, ни в самом деле слона Ромашке не видать.

Хорошая у Ромашки мама, а отвечает как-то обидно. Ну да ладно. Ромашка прощает ей всё. Ромашка сам что-нибудь придумает. Сопя, он вытягивает над столом руку и... разбивает стакан. Нечаянно, конечно.

— А я думал, что очень удобно быть слоном: выставил хобот и бери что хочешь, — разочарованно говорит он.

— Вот я тебе сейчас покажу слона. Ремешком, — уже рассердился папа. Это он говорит для остротки, а сам даже со стула не привстал. И всё же неприятно слышать такое от папы.

Ромашка вздохнул, сказал грустно:

— Вы не хотите купить мне слона, вот я и решил сам им стать.

Мама молча собрала осколки, подмела пол. А Ромашка выбрался из-за стола и пошёл в угол. Стал там, виновато голову свесил. Сам себя наказал.

Это почему-то развеселило маму с папой, они бросились вытаскивать его из угла, но он не давался.

— Характер, — сказал папа и скрестил руки на груди. По его виду легко было догадаться, что характер этот ему нравится.

Вскоре родители стали собираться на рынок. Собирались, а сами всё поглядывали на сына.

— Не надоело в углу стоять? — спросила мама.

— Нет, — ответил Ромашка и вздохнул. Ему очень хотелось пойти на рынок. Там есть место, где продают щенят, кроликов, морских свинок, хомяков, канареек, рыбок... Смотри сколько хочешь. Однажды ему даже разрешили погладить кролика.

— Ну что ж. Будь по-твоему. Оставайся, а мы скоро вернёмся, — говорит мама.

Ромашка сопит, едва удерживаясь от плача. Папа, выходя вслед за мамой, с сочувственным видом поворачивается к Ромашке:

— Крепись...

Скучно одному на кухне. Ромашка постоял-постоял и подался в ванную. Позвал волка, но тот не откликнулся. Тогда Ромашка постучался в комнату к тёте Тоне, соседке по квартире. Её не было дома...

Ромашка уныло поплёлся по коридору к себе в комнату. Что делать, чем заняться? Включить телевизор? Но это ему запрещали. Однажды он взял в руки бархатного одноглазого зайца и его лапами

включил телевизор, но мама с папой и зайцу строго-настрога запретили, и обезьянке, и даже резиновому Киту-Китычу, хотя у него и лап нет.

Ромашка подошёл к коробу с игрушками. Вот большущая чёрная собака. Папа принёс из «Детского мира». У собаки висит красный тряпичный язычок. Ромашка нажал ей на спину, и она вякнула. Расстелив на полу простыню, он приложил собаку мордочкой к ней, приговаривая:

— Это молоко пролилось, пей!

Ему казалось, будто она лакает молоко красным язычком. Он обнимал её, разговаривал с ней, но она молчала. И он отвечал за неё, лаял, взвизгивал... И бегал за ней... Наконец он стал дуть ей в ноздри. Подует — приложит ухо к спине, так он вдыхал её дыхание — но она всё равно не дышала. Он думал, что она просто не знает, зачем ей ноздри, и показывал ей, как он дышит ими, усиленно сопел, но всё напрасно.

Тогда он снова положил её в большой, битком набитый игрушками короб... И зачем ему так много игрушек? Приносят и приносят... Ромашка однажды сказал родителям: «Зачем мне так много игрушек? У меня рук мало».

В поисках занятий он обводил взглядом комнату и вдруг вспомнил: в стене живут тараканы! Ковырнул пальцем стену. Крепкая. Живо притащил папин молоток и стал пробивать дырочку для тараканов. Он очень хотел увидеть их и поиграть с ними. У него есть игрушечная курочка, она даже клюёт, но всё равно она не живая, а заводная. А тараканы живые.

Глава вторая

Запретная дружба

В коридоре слышались голоса. Это возвратились мама с папой. Папа вошёл в комнату. Увидев стену во вмятинках, он так грозно глянул на Ромашку, что тот невольно попятился. В этот же момент в двери появилась мама с морковкой в руке. Она остановилась, недоуменно глядя на Ромашку с папой.

— Папа, — удивлённо спросил Ромашка, — ты злой?

Папа покраснел.

— Не-нет... Ты не совсем правильно выразился. — Папа посмотрел на маму, словно искал поддержки. — Видишь ли, злой — это полный злобы, злости... А я всего лишь сердит. Я хотел спросить, зачем ты раздолбил стену. Вот и всё.

Папа растерянно смотрел на сына. Никто ведь не хочет быть злым...

Ромашка, глядя сокрушённо на стену, сказал со вздохом:

— Я больше никогда не буду в стене тараканов искать. Пойду лучше насекомых жучков в траве ловить. — Он перевёл взгляд на маму и добавил просительно: — Я ведь сегодня ещё не гуляний.

— Иди, — разрешила мама. — Только на вот морковку съешь. Она полезная.

Ромашка бежит обуваться в красные сандалики.

Во дворе столько интересного, просто дух захватывает! То проедет машина с синей мигалкой, то зарычит бульдозер с ладошкой-подбиралочкой спереди, то шнырнёт из подвального окна огромная чёрная кошка с глазами, как жёлтые пуговицы... А в траве ползают «насекомые жучки».

Двор просторный. Поодаль, словно островок, несколько окружённых заборами низких домиков, за ними — пустырь и поле. Город выступает на домики и на пустырь новыми высокими домами.

Ромашке разрешают гулять только возле дома. Другие же мальчишки и девочки, даже маленькие, ходят на пустырь. Они играют там в футбол, катают друг друга на велосипедах, запускают воздушного змея.

Ромашка подрастёт и тоже будет ходить туда. «Нарочно буду есть побольше хлеба и картошки, чтоб поскорее стать большим», — думает он, глядя на пустырь, где видны фигурки бегающих детей.

Во дворе сегодня — никого.

Присев к норке в земле, Ромашка ждёт своего знакомца — чёрного рогатого жука. Жук не выползает. На этот случай у Ромашки

припасена палочка-шевелилка, которой он будит жука. Жук цепляется за шевелилку, и Ромашка вытаскивает его на поверхность. Брашая палочкой, катает жука на «карусели». Затем даёт жуку кусочек морковки. «Ешь, она полезная». Тот, может быть, и не знает, что это такое, нужное или ненужное, съедобное или несъедобное, но на всякий случай вцепляется в кусочек и тащит к себе в норку.

— Эй ты, снежный человек! — раздаётся хриплый голос.

Ромашка смотрит вверх. Перед ним стоит Данилка, толстяк с круглым розовым лицом. Когда-то они дружили, а потом поссорились. Данилка говорил, что он родился из лимона и что все дети рождаются из лимонов, а Ромашка твёрдо знает, что детей лепят из снежной бабы. Это ему папа сказал. А Ромашкин папа — самый умный, потому что он учитель.

Я тебя не слушаю,
Посолю и скушаю! —

выпалил Ромашка Данилке.

Это были очень обидные слова. Данилка нахмурился. Сейчас он придумает что-нибудь в ответ. Стоит, сопит. Голова большая, а думает туго.

— Снежный...

Ромашка за словом в карман не лезет:

Обзывайся целый век,
Всё равно я че-ло-век!..

Данилка пыхтит как паровоз. Ничегошеньки не может придумать. Ромашке и смешно и жалко. Он протягивает Данилке руку.

Мирись, мирись, мирись
И больше не дерись!
А захочешь драться —
Я начну кусаться.
А кусаться ни при чём —
Буду драться кирпичом.
А кирпич ломается —
Дружба начинается!

— Давай в войну играть! — обрадовался Данилка. — Шпаги сделаем, помушкетёрим.

— Нет, — ответил Ромашка. — Надоело всё время друг друга убивать.

— Тогда пойдём на пустырь.

— Мне туда не разрешают, — вздохнул Ромашка.

— Как хочешь. А я пойду. Там у одного дядьки, которого Мухомор зовут, собачиха есть.

— Какая собачиха? — спросил Ромашка и, незаметно для себя, тронулся вслед за Данилкой.

— Обыкновенная. Только она ценная, — ответил Данилка, вышагивая к пустырю. — У неё детки будут. Её сейчас подкармливать надо.

Данилка достал из нагрудного карманчика пряник, показал Ромашке:

— Во! Кормить её буду.

— А как её зовут? — спросил Ромашка.

— Пальма, — ответил Данилка, осмотрел пряник и откусил едва ли не половину.

Ромашка попросил у него пряник — угостить Пальму. Данилка дал ему кусочек.

Все щели, которые знал Данилка, оказались заложеными.

— У Мухомора во дворе много всякого добра, вот он и купил за два рубля собаку, — шёпотом рассказывал Данилка, пока они пытались найти хоть самую узенькую щель в глухом забсре. — А кличку держит в секрете. Это он здорово придумал: если бы воры знали кличку, они беспрепятственно проникли бы во двор и унесли бы добро.

— Какое добро? — тоже шёпотом спросил Ромашка.

— Кирпичи, например... Дрова, толь.

— А детей Мухомор, наверно, не боится, потому что они не воры, — предположил Ромашка. — И поэтому разрешает кормить собаку, да?

— Ничего он не разрешает! — сердито ответил Данилка. — Он за нами с палкой гоняется. Кричит: «Собака хозяйская, личная, за неё деньги плачены! Кто к ней притронется — прибью!» Это он боится, что мы её закормим, заласкаем и она от этого перестанет быть злой...

— Мухомор — его взаправдашнее имя?

— Нет, это мы его так прозвали. За его вредность. Знаешь какой он вредный? Сколько мы ни лазили к собаке, он никого из нас так и не смог догнать. Тогда он стал бить собаку. С тех пор мы кормим её исподтишка. И разговариваем с ней через щёлочку. Она очень любит, когда с ней разговаривают. А Мухомор никогда не приласкает её, никогда не заговорит с ней, как будто ему слов жалко. Сколько раз мы видели, как она бросалась к нему навстречу, переступала лапами, как будто танцевала от радости, улыбалась, повизгивала, а он не погладит её, не улыбнётся в ответ! Тогда она по-

плетётся назад в конуру, ляжет там тихонечко, положит морду на лапы и плачет...

— Почему же она не убегает от него? — спросил Ромашка.

— В начале весны она стащила с себя ошейник и убежала. Неделю пропадала. Он её выследил и снова посадил на цепь. Ошейник, наверно, до последней дырочки затянул.

— А как же вы узнали, что её Пальмой зовут?

— Это мы её сами так называли. Мухомор даже не подозревает, что у неё есть ещё одна тайная кличка...

Данилка постучался в забор, прижал ухо к доске. Собака в ответ зазвенела цепью, подошла к забору. Ромашка тоже прижался ухом к доске.

— Здравствуй, Пальма. Меня зовут Ромашка.

Пальма шевельнулась, шумно обнюхала доску. Ромашка присел на корточки и стал говорить с ней как с давней знакомой. Он рассказал ей о том, что у него зуб шатается и делает восьмёрку, и о том, что у него новые красные сандалики, и о том, что его папа прилип к газете и не отлипает...

«Р-р... — тихо, предупреждая зарычала Пальма.

— Наверно, Мухомор вышел, — сказал Данилка и тоже присел на корточки.

Мальчики замолчали, съжились.

Во дворе было тихо, и Ромашка снова заговорил:

— Пальма, у тебя очень хорошо «р» получается. Почти как у моего папы. А вот я никак не могу научиться...

Разговаривая, Ромашка колупал пальцем сучок в доске. Сучок шатался, и Ромашка неожиданно вынул его, как пробку!

— Пальма, я вижу тебя! — восторженно закричал он, припав к глазку.

Вот она, рыжая, лохматая, с чёрным носом, с радостными глазами... Она тычется носом в глазок. Ромашка просовывает в глазок палец, трогает её мокрый нос, смеётся.

— Пальма, Пальмочка..

Пальма в ответ лизнула его палец, и он выдернул его из глазка: щекотно! Тут он вспомнил о прянике и тотчас протолкнул кусочек в глазок. Пальма обнюхала гостинец, но не съела. Наверно, застеснялась. Не захотела показаться жадной. Или оставила на потом.

— Ешь, мы тебе ещё принесём...

Пальма повела рваным левым ухом, беспокойно оглянулась на крыльцо. Она предупреждала об опасности. Взгляд её стал тревожным. Ромашка заткнул глазок сучком, и ребята на четвереньках отползли в кусты.

Прибежав домой, Ромашка немедленно принялся на дело: перетасил коврик от своей кровати в угол, поставил возле коврика старую мисочку, налил в неё воды.

Мама с папой сидели на диване перед телевизором. Молча следили они за Ромашкиными приготовлениями. Наконец мама не выдержала.

— Это что ещё такое? — спросила она.

— Здесь щенок будет жить! — с готовностью объяснил Ромашка.

— Какой щенок, откуда?

— Пальмин. Пальма скоро щенят народит...

Ромашка, сбиваясь от волнения, рассказал о своём знакомстве с Пальмой.

— Я попрошу у Мухомора одного щеночка! — говорил он.

Мама встала с дивана, вынесла мисочку в ванную, выплеснула из неё воду и убрала на место коврик. Папа сидел опустив глаза.

— И чтоб впредь, — повернулась мама к Ромашке, — на пустырь не ходить, с собакой Мухомора не играть! Иначе папа возьмётся за ремень.

Ромашка взглянул на папу. Папа покраснел и сказал негромко, но твёрдо:

— Папа за ремень браться не будет.

Мама устремила на него непонимающий взгляд, потом вспыхнула:

— Сама возьмусь!

Ромашка обиженно попятился к своему столику, спрятался за него и объявил:

— Если будешь драться, я... я нарисую тебя знаешь какую? Квадратную.

— Рисуй! — бросила мама, как будто ей всё равно, но когда Ромашка в самом деле сел рисовать, она несколько раз заглянула к нему в альбом.

Ромашке стало жалко маму — она ведь не злая, а только строгая, и он нарисовал её не квадратной, а такой, какая она есть на самом деле: красивой, круглой. И пририсовал ей улыбку во всё лицо. Улыбающийся рот вышел даже чуть-чуть за лицо, но это ничего — чем больше улыбки, тем лучше.

Мама увидела и улыбнулась...

— Ты думаешь, мы животных не любим? — сказала она. — Глупенький! Мы тоже очень любим собак и хотели бы завести собаку, но в общей квартире это запрещается. Тёте Тоне собака может не понравиться. Псиной будет пахнуть... Понимаешь?

Эх, мама... Один мальчик из соседнего дома, Денис, в общей

квартире поросёнка держал и один раз даже спал с ним. Поросёнка звали Макс. Вот так... Потом поросёнок подрос и его отдали в деревню, потому что в деревне ему будет лучше... И тётя Тоня позволила бы, потому что она хорошая.

— Вот переедем в отдельную квартиру — тогда посмотрим, — говорит мама.

Ромашка бросается к маме, обнимает её, виснет у неё на шее.

— А пока, — ещё раз предупредила мама, — я категорически запрещаю ходить к этому... к Мухомору. К его собаке.

Что такое «категорически», Ромашка ещё не знал, но догадывался, что это что-то очень строгое.

— Обещаешь не ходить? — спрашивала мама.

— Обещаю, — ответил Ромашка.

Он ещё не знал, какие его ждут испытания. Если бы знал — не обещал бы.

Глава третья

Новости печальные

и новости радостные

Во дворе мальчишки и девчонки под водительством Данилки разулись и ходили строем, шлёпая пятками по лужам. Это был «марш лягушек». Ромашка тоже попросился в «лягушки», но Данилка его не принял. Когда ему не с кем играть, он сам к Ромашке подмазывается, а когда находит новых приятелей, с Ромашкой не знает.

Ромашка ушёл в дальний конец двора и стал будить шевелилкой жука.

Как ни странно, Данилка тотчас бросил своих «лягушек» и подошёл к Ромашке. Обычно Данилка заговаривает с Ромашкой как ни в чём не бывало, а тут что-то замялся. Стоит сопит.

Жук всё не выползал и не выползал.

— Его вчера сожгли, — наконец сказал Данилка.

Ромашка глянул ему в лицо, медленно поднялся. Шевелилка выпала из руки.

— Да, да, — вздохнул Данилка. — Кепка-на-Палке сжёг. Он сказал, что люди всех мамонтов погубили, и то ничего.

— А разве люди всех-всех мамонтов погубили? — шёпотом спросил Ромашка.

— Нет, мой папа говорит, что мамонты сами вымерли. Но на

словоз и на многих других животных сейчас так охотятся, что могут их всех истребить.

— Всех-всех китов съедят и всех слонов?..

— Нет, конечно. Потому что у животных есть защитники. Вот я, например. Я ведь защищал твоего жука. Только Кепка-на-Палке в сто раз сильнее меня.

Ромашка знал этого длинного мальчишку. Однажды Ромашка вылепил глиняных человечков, а Кепка-на-Палке взял и порастягивал им ноги. Человечки стали уродцами. Кепка смеялся над ними, а Ромашка плакал.

— Между прочим, — продолжал Данилка, — есть люди, которые даже муравьев не топчут. Мы вот все по муравьям ходим, а они нет. Они разметают перед собой тропинку веничком из веток. Я сам пробовал так ходить. Только всё время так ходить трудно.

Ромашка ещё раз посмотрел на ямку — жилище жука. Жилище опустело навсегда.

— Ты что сегодня принёс жуку? — поинтересовался Данилка.

— Яблоко, — грустно произнёс Ромашка.

Данилка вздохнул раз-другой, сказал:

— Теперь уж ничего не поделаешь — жука нет. А яблоко можешь отдать мне. Я умею фигурно есть яблоки. Хочешь, покажу?

Данилка обгрыз яблоко зигзагом и показал Ромашке. Затем доел яблоко, выбросив только лишь хвостик и зёрнышки.

— Ну вот и весь фокус, — строго взглянул он на Ромашку. — А теперь я сообщу тебе радостную новость: Пальма оценилась!

Несколько мгновений Ромашка изумлённо смотрел на Данилку, потом крикнул: «Побежали!» — и первый помчался к Пальме. Толстяк Данилка едва поспевал за ним.

Вскоре Ромашка, однако, побежал медленнее, пока совсем не остановился.

— Стой! — жалобно позвал он Данилку, который уже обогнал его. — Мне же нельзя туда... Я маме слово дал...

Данилка приостановился.

— Нет, ты беги, — крикнул Ромашка. — Потом мне всё расскажешь, ладно? Я подожду тебя здесь.

— Ага, — мотнул головой Данилка и побежал вперевалку дальше.

Неподалёку от того места, где Ромашка остался ждать Данилку, ребята запускали парашют. Сложат парашют в комочек, запустят им в небо, из комочка вываливается «парашютист» — камешек, натягивает стропы-витки, и парашют надувается и словно зависает в воздухе. Долго-долго опускается он: пока следишь за ним — и дышать забудешь, и только когда камешек ткнётся в землю, выдохнешь или вдохнёшь полной грудью...

Данилка всё не возвращался. Ребятам уже надоело запускать парашют, и они стали играть в «летающую тарелку». Ромашка сел на землю, обхватив руками колени. Данилки нет и нет. Конечно, ничего особенного не случилось бы, если бы Ромашка и сам сбегал туда, но, как говорится, дал слово — крепись. Разве можно ради собственного удовольствия нарушить слово?..

Ребята уже и в «летайку» наигрались, подняли с земли велосипеды и укатили. «А не попался ли Данилка в руки к Мухомору?» — с испугом подумал Ромашка и встал, соображая, как теперь быть, но в это самое время Данилка выбрался из кустов, окружавших двор Мухомора, и побежал к Ромашке.

— Ну что? Ну как там? Какие они? — бросился к нему Ромашка.

— Они все маленькие и скулят... — переведя дух, принялся рассказывать Данилка. — Их там много. Она их всех кормит, ласкает, лечит...

— Лечит? Как?.. — округлил глаза Ромашка.

— Очень просто. Она ведь понимает, о чём каждый из них скулит. Один щенок так расскулился, так расскулился!.. Тогда она взяла его небольно зубами и положила к себе на передние лапы. А дальше всё было как на приёме у врача. Он открыл пасть, как будто сказал: «А-а...» А она в это время вылизала ему пасть языком. Прочистила, понимаешь? А потом снова взяла зубами и положила к своему брюху. Он насосался молока и уснул. Представляешь?..

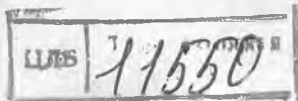
Ромашка не сводил глаз с Данилки, а тот всё рассказывал и рассказывал...

Глава четвёртая

Седьмой щенок

Мухомор — высокий сутулый дядька — всё делал молча. Впрочем, ему и разговаривать-то было не с кем, если не считать Пальму.

Выйдет Мухомор из дому, обойдёт двор, осмотрит поленницы и запасы кирпича... Запасы сложены вровень с забором, и от этого двор изнутри похож на крепость. Поправит кусок толя, которым накрыта поленница, постоит, подумает — придавит толь кирпичом. С утра всё обойдёт, обсмотрит, перетрогает и на некоторое время успокоится. В магазин идёт — калитку на ключ запирает. А на душе всё равно беспокойно: собака — сторож ненадёжный, маль-

чишки совсем избаловали её. Закормили, заласкали — какой от неё теперь прок? Как она будет сторожить, когда нет в ней никакой злости?

А тут собака оценилась — новые хлопоты.

Мухомор зашёл в сарайчик, порылся там между ящиками, кадушками, корзинами. Он искал мешок. Мешок как сквозь землю провалился. Мухомор вышел из сарайчика, хмуро посмотрел на собаку. Та виновато улыбнулась, встала, как будто надеялась, что на этот раз хозяин подойдёт к ней с лаской...

Трудно ей было жить с таким человеком, но она всё же старалась любить его. Он молчал, а она, глядя на него, взлаивала и подвывала, как бы приглашая тем самым его к разговору или жалуясь ему на него же. Она с надеждой устремлялась к нему, ожидая, что он положит ей на спину свою большую ладонь и позволит уткнуться мордой в колени. Виляя хвостом, виляя всем телом, она подзывала его, но, не получив ни тёплого взгляда, ни улыбки, ни слова, ни ласковой руки, обиженно уходила в конуру. Там она долго мостила в истёртой соломе, вздыхала. Уютная, вылежанная ложбинка почему-то делалась неудобной, твёрдой, колючей, и собака долго ворочалась и не могла уснуть. Наконец она вытягивала шею, укладывала морду на лапы и тоскливо смотрела во двор...

Вот и сейчас он не подошёл, и она легла и грустно опустила морду на лапы.

Мухомор снова вошёл в сарайчик и на этот раз вышел со свёрнутым мешком. Раскатал мешок, оглядел его, дважды хлопнул им об угол сарайчика — пыль выбил — и стал складывать в мешок щенят. Выпрямился, накрутил горловину мешка на кулак и кулаком вместе с мешком погрозил собаке:

— У-у!

Он уходил, а она беспокойно шла вслед, нюхая мешок, пока не дёрнуло шею ошейником — дальше не пускала цепь.

Хозяин уходил не оглядываясь.

Потом, когда по одному окунал в пруд щенят, подсадовал, что не оглянулся во дворе. Седьмого щенка недоставало.

Вернулся с пустым мешком под мышкой; нашёл седьмого за конурой. Ради одного не пошёл снова на пруд, а отнёс в самый конец выходившего на пустырь огорода. Кинул в неглубокую ямку, ботинком земли подгрёб, щенка присыпал...

В этот день Ромашка с утра оставался дома один.

Обычно до обеда с ним сидела мама. Иногда за Ромашкой присматривала соседка тётя Тоня. После обеда приходил из школы папа.

До сих пор мама работала на полставки, полдня, а теперь перешла на полный рабочий день. Дело в том, что семье нужны деньги на покупку новой мебели — скоро ведь переезжать на новую квартиру! Это во-первых. А во-вторых, Ромашка уже совсем большой и самостоятельный — через год в школу пойдёт. Недели за полторы до перехода на полный рабочий день мама начала активно приучать сына к самостоятельности. Он уже умел сам разогревать еду. Поставит на плиту кастрюлю с супом, включит газ, поднесёт зажённую спичку, потом, когда подогреется суп, выключит газ. Дело несложное. Вот только на первых порах забывал сразу тушить спичку. Огонёк быстро подбирался к кончикам пальцев, он тряс рукой со спичкой, но огонёк от этого только сильнее разгорался, и Ромашка обжигался. Потом приучился сильным дувком задуть спичку.

Папа считал, что Ромашке рановато пользоваться газовой плитой, но мама настояла на своём. Ромашка не размазня, он человек волевой и ответственный. Он должен заботиться о себе и о других.

Научившись разогревать завтраки и обеды, Ромашка, под маминим присмотром, научился затем варить манную кашу. А вчера, в выходной, он уже сам приготовил для мамы с папой ужин — жареную картошку...

Прежде, оставляя Ромашку одного, родители заклеивали изолентой все электрические розетки. Теперь мама отменила изоленту. Она также разрешила Ромашке одному выходить на балкон. Отправляла его одного в магазин за молоком и хлебом, посылала в прачечную сдавать и получать бельё... Словом, приучала к серьёзным обязанностям.

И вот Ромашка проснулся и услышал непривычную тишину в квартире. Вскочил, побежал на кухню, заглянул в ванную — никого. Удостоверившись, что остался один, Ромашка удовлетворённо улыбнулся. Странно, пусто в квартире, но так интересно испытать свою самостоятельность!

Ромашка умылся, оделся, разогрел макароны в сковороде, затем поставил на огонь чайник. Всё делал с особым старанием, ничего не пролил, не уронил. Первый день самостоятельной жизни должен пройти без сучка без задоринки.

Когда он допивал чай, в дверь позвонили. Звонок был долгий-долгий. Ромашка встревожился, подбежал к двери.

— Это я, открой! — раздался Данилкин голос.

Ромашка отпер дверь. Данилка тотчас выпалил:

— Мухомор щенят топит!.. Бежим!..

Ромашка от испуга так и сжался.

— Бежим! — повторил Данилка.

Ромашка повернулся лицом к пустой квартире, точно спрашивал разрешения: в следующее мгновение он схватил с тумбочки ключ, выбежал, хлопнул дверью и помчался что было духу за Данилкой.

У забора сгрудились мальчишки. Ромашка кинулся к глазку, но его оттолкнули.

— Всех унёс? — спросил кто-то.

— Кажись, всех, — ответили ему.

— Это неправда, неправда!.. — твердил Ромашка, и губы его дрожали.

— Как же, неправда... — ответил Денис, у которого был поросёнок Макс. — Вон зимой взяли и зарезали моего поросёнка. Обманули меня. Сказали, что ему в деревне будет хорошо, а сами зарезали. Как будто им есть больше нечего...

Ромашка слушал его, широко открыв глаза.

Наконец все вспомнили, что глазок в заборе обнаружил Ромашка, и расступились. Только в это самое мгновение вдали показалась долговязая сутулая фигура Мухомора, и все бросились наутёк. Данилку тоже как ветром сдуло. Один лишь Ромашка не убежал, нырнул в кусты, притаился.

Хлопнула калитка. Тихо заскулила Пальма, зазвенела цепью. Вышел на огород Мухомор. В руке он щипком держал щенка. Огляделся. Разжал пальцы. Постоял: ботинком земли подгрёб.

Сердце у Ромашки так и колотилось...

Как только Мухомор скрылся во дворе, Ромашка бросился к ямке. В ней, присыпанный землёй, копошился щенок. Ромашка вытащил его, сунул за пазуху и без оглядки припустил домой.

Глава пятая

Рыжая

После третьего урока на большой перемене Ромашкин папа подхватил свой жёлтый пухлый портфель и быстрым шагом вышел из школы. Нужно было отнести в райисполком документы на получение жилья. Райисполком был рядом, в трёх кварталах от школы, так что двадцати минут на ходьбу туда и обратно хватит с лихвой.

Валентин Иванович — так звали Ромашкиного папу — сдал заведующему роно бумаги и в самом радужном настроении возвращался в школу. Оставалось минут семь свободного времени. Можно было пересечь проспект и не спеша пройти до школы заброшенным яблоневым садом, тянувшимся почти вдоль всего проспекта.

Валентин Иванович ходил этим садом на работу и с работы. Сад всегда был для него радостью. Там можно было постоять минуточку, полюбоваться весёлой зеленью листвы, послушать птичий щебет. Можно было задрать голову и смотреть в небо. На проспекте этого себе не позволишь...

Валентин Иванович перешёл проспект и уже ступил было в стриженные кусты, отделявшие сад от проспекта, как вдруг заметил лежавшую на тротуаре рыжую с рваным ухом собаку. Наверно, она, перебегая проспект, попала под машину. Ей едва хватило сил отползти в безопасное место. Она лежала не шевелясь.

Лежал рыжий комок, а люди торопливо обходили его. Прохожие затолкали Валентина Ивановича, увлекли за собой, — место здесь было многолюдное.

Исчез райский сад, пропала бесследно радость: рыжий неподвижный комок заслонил собою всё вокруг. Валентин Иванович уже был далеко от того места, где лежала собака, но всё время прямо перед собой видел её глаза. Глаза были уже не тоскливые даже, тоска — это ещё жизнь, а какие-то мутно-безразличные, неспособные даже сказать о муке, почти мёртвые.

Дети в школе здоровались с ним, а он в ответ либо рассеянно кивал головой, либо вовсе забывал отвечать. В учительской он поставил на пол портфель, опустился на стул и уставился неподвижным взглядом в стол.

— Валентин Иваныч, на вас лица нет, — негромко произнесла, наклонившись к нему, маленькая сероглазая учительница немецкого языка. — Вас обидели в роно?

— Нет, нет! — вскинулся Валентин Иванович. — Всё прекрасно... То есть — всё в порядке...

Чернобородый розовощёкий математик взглянул на него раз другой, усмехнулся:

— И всё-таки — какой вопрос занимает вас, Валентин Иваныч?

Валентин Иванович перевёл взгляд на математика, некоторое время смотрел на него непонимающе.

— Вопрос? Ужасный вопрос...

Математик крикнул:

— Вот уж эти гуманитарии! Всегда у них ужасные вопросы. А ведь жизнь, если подходить к ней математически, проста и ясна: дважды два — четыре...

Ударил невыносимо громкий звонок: все засобирались в классы, и вскоре учительская опустела. Один Валентин Иванович продолжал сидеть, опустив голову. В дверь заглянула завуч. Полное лицо её выразило удивление.

— Валентин Иваныч, в класс, пожалуйста! В любимый свой пятый «А»...

— Я... мне... — растерянно, как школьник, встал Валентин Иванович. — Мне срочно позвонить надо...

— Кому позвонить? — Завуч укоризненно смотрела на Валентина Ивановича. — Потом позвоните. А сейчас — на урок.

Валентин Иванович споткнулся о портфель, переступил через него — и ему показалось, будто он перешагнул через рыжую полуживую собаку.

Урок он вёл сбивчиво и вяло: дети сразу почувствовали что-то неладное и притихли.

— Ребята, — вдруг произнёс дрогнувшим голосом Валентин Иванович, — простите меня, я не могу вести урок. Вы умный и славный народ, вы поймёте. Там собака истекает кровью. На тротуаре. Я пойду... Нельзя же так...

Он направился к двери. Класс тоже стал подниматься, все двинулись за ним.

— Куда вы? — шёпотом спросил Валентин Иванович уже из коридора. Ребята молча смотрели на него. — Впрочем, пойдёмте. Только тихо.

На улице все побежали в сторону сада. Прохожие расступались и удивлённо оглядывались на бегущих.

Рыжей на месте уже не было. Только тянулась поперёк тротуара тёмная полоса.

— Поздно... — сказал Валентин Иванович самому себе.

Ребята рассыпались по саду, прочёсывали кусты, но поиски были тщетны.

Обратно шли медленно. Ребята негромко переговаривались. Всех волновал один-единственный вопрос: что стало с рыжей?

— Наверно, собаколовы забрали...

— А может, и не собаколовы! Может, кто-нибудь из прохожих. Если она была жива, конечно... Один мальчик с дедушкой, бывшим лесником, подобрали на дороге сбитую машиной собаку и выходили её...

Возле самой школы девочки догнали одиноко шедшего впереди Валентина Ивановича.

— Вам, наверно, влетит? Если что — мы вас поддержим... Мы объясним...

— Влетит? Ах, какие это пустяки! — досадливо махнул рукой Валентин Иванович. — Собаку вот жалко. Она ведь не виновата, что родилась собакой. А мы... А я...

Он ещё раз махнул рукой и, вобрав голову в плечи, вошёл в школьный двор.

Глава шестая

Щенок спасён, щенок в опасности...

Ромашка положил щенка в угол на коврик, а сам побежал на кухню за молоком. Принёс в блюдце молока, ткнул щенка мордочкой в блюдце. Щенок не ел. Похоже было, что ему хотелось не столько есть, сколько спать.

— Ну и спи,— сказал Ромашка и завернул его в мамин чёрный шерстяной платок. Мама всё равно его не носит, а только иногда поясицу им повязывает.

Щенок даже в платке дрожал. Ромашка сидел рядом с ним и не сводил с него глаз.

Так он просидел до тех пор, пока в коридоре не раздался мамин голос. Она окликала Ромашку. Он так и знал, что мама не выдержит, прибежит хоть на минутку проведать его.

Выйдя на цыпочках к маме, Ромашка прижал палец к губам:

— Тс-с! Он спит...

— Кто — он? — спросила мама, направляясь в комнату. — Папа? Разве он дома?

— Да нет же, не папа. Щенок.

Ромашка съёжился под маминым взглядом. Не сводя с него встревоженных глаз, мама вошла в комнату.

— Так... Кто это?

— Я же сказал: ще-нок!

— Как он попал в квартиру? Отвечай!

— Я сам принёс...

— Да как ты смел!.. А если он бешеный?.. Ты с ума сошёл. Одевайся, немедленно в больницу, на прививки!

— Он не бешеный, он только что родился...

Мама подошла к свёртку, развернула его — и голос её сразу потеплел. Она разглядывала щенка и говорила:

— Ишь ты... Откуда такой?

Ромашка вздохнул:

— Я его из земли откопал...

Мама присела на корточки, заговорила со щенком ещё нежнее. Сердце её таяло, когда она подносила к щеке слепенького кутёнка.

В это время Ромашка уже сидел в коридоре на своей низкой скамеечке и надевал сандалики. Страшно было идти к врачу на уколы, но что поделаешь. Пусть колют, чтоб мама не беспокоилась. Подумаешь — уколы! Зато у него теперь щенок есть.

Мама удивилась, заметив ожидающего в двери сына.

— Ты куда вырядился?

— Как — куда? В больницу... Ты же сама сказала.

Мама засмеялась, подхватила его на руки.

— Вот ещё герой нашёлся! Не надо нам ни в какую больницу. Он и правда ещё совсем маленький...

В коридоре послышались шаги. Это пришла соседка, тётя Тоня. Мама тотчас позвала её, и тётя Тоня, в очках, со строгим спокойным лицом, заглянула в комнату.

— Вот,— показала мама щенка.— Приобретение...

Тётя Тоня заулыбалась, взяла щенка и, вытягивая губы дудочкой, стала прикладывать его мордочкой к своему носу. При этом она чмокала губами, словно целовала его. Отдавая щенка маме, она сказала со вздохом:

— Славный щенок. Только напрасно ты, Ромашка, откапывал его. Он всё равно погибнет, потому что первые четыре недели щенята питаются одним материнским молоком, а коровье или козье принимают с месяца.

— Это неправда, неправда! — закричал Ромашка и залился жгучими слезами. — Вы обманываете меня!

Тётя Тоня обиделась и ушла, а Ромашка, припав к маминим ногам, безутешно плакал. Когда он выплакался, мама умыла его холодной водой и посадила рядом с собой на диван. Она сказала, что нужно спокойно обдумать ситуацию. Она что-то говорила, но до Ромашки не доходил смысл слов. Щенок в самом деле из блюда не лакал, сколько Ромашка ни тыкал его туда мордочкой. Значит, тётя Тоня права, и зря он её обидел...

— ...к Пальме, — убеждала мама. — Мы отнесём его к матери, к Пальме. Она покормит его до месяца, а там заберём. Я сама схожу к этому... как его... к Мухомору вашему, уговорю его.

— Мамочка, чудесная моя, хорошая моя! — бросился Ромашка обнимать маму.

Глаза его снова весело заиграли, он опустил на четвереньки перед щенком и стал втолковывать ему то, что говорила мама. Щенок беспомощно тыкался во все стороны, ища тёплый душистый сосок, и словно постанывал.

Пришёл папа — растерянный, бледный. Наверно, у него на работе случилась какая-нибудь неприятность. Он был так расстроен, что даже не отругал Ромашку за щенка. Напротив, он погладил Ромашку по головке и молча долго смотрел на щенка. Ромашка обнял папу за ноги и, торопясь, сбиваясь, рассказал, как здорово они придумали спасти щенка. Папа отвернулся к балконной двери, нервно побарабанил пальцами по стеклу.

— Пальма рыжая? — спросил он, не поворачиваясь.

— Ры-ыжая... — протянул Ромашка. — Ещё какая рыжая!

— У неё кончик левого уха оторван, — говорил папа, глядя в балконную дверь.

— Да-а... А ты откуда знаешь? Ты тоже к ней лазил?

Папа не отвечал. Он стал быстро ходить по комнате туда-сюда. Мама молча смотрела на него. Когда Ромашка прижал к животу щенка и взял маму за руку, чтобы идти к Мухомору, папа наконец остановился.

— Всё пропало, — сказал он. — Пальмы больше нет...

Глава седьмая

Правда — кривда

Ромашка достал пластилин, слепил гуся с гусёнком на спине и понёс их тётё Тоне. Тётя Тоня как увидела подарок, так руками всплеснула и тут же стала отдариваться конфетами и яблоками.

Они давно помирились, ещё в день ссоры. Ромашка попросил у неё прощения, а тётя Тоня сказала, что она придумала, как спасти щенка. У неё есть знакомая генеральша, у которой собака оценилась всего тремя щенками. Генеральшина овчарка свободно может выкормить и Ромашкиного слепыша, потому что собака выкармливает до семи щенят. Тётя Тоня уже обо всём договорилась по телефону. Она подхватила проголодавшегося щенка и унесла.

Ромашка всецело доверился тётё Тоне. Она каждый день сообщала ему о самочувствии щенка. Вот и сейчас она говорит, улыбаясь:

— А у меня для тебя новость. Щенок прозрел...

Ромашка, сам не свой от радости, стремглав бросается на улицу. Ему не терпится поделиться новостью с Данилкой...

Данилка играет во дворе с Денисом. Денис стоит у скамейки — у «прилавка», — «торгует» вяленой рыбёшкой. У него полный целлофановый мешочек мелкой рыбёшки. Данилка подходит, протягивает клочок бумажки — деньги и берёт рыбку. Бумажек у Данилки припасено много. Ясно, что вскоре вся рыбёшка перекоцует к нему в живот. Увидев Ромашку, Данилка кричит:

Бабочка летает —
Ромка не играет!

Данилке, наверно, стыдно за то, что струсил, убежал тогда от Мухомора. Вот он и не смотрит на Ромашку, всё отворачивается, лицо прячет.

Ромашка направляется к Денису вовсе не за рыбёшкой — радостью поделиться, но Данилка не даёт ему ходу:

Море волнуется — раз,
Море волнуется — два,
Море волнуется — три,
Морская фигура,
На месте замри!

Ромашка замирает, стоя на одной ноге. Такой закон. Данилка преспокойно продолжает покупать и поглощать рыбёшку. При этом он нарочито громко говорит:

— Подумаешь — дворняжка! Папа сказал, что купит мне настоящего боксёра. С медалями. Вот так.

Ромашка отчаянно пучил глаза, но Данилка — вредный человек — всё не расколдовывал его.

— Как только получим трёхкомнатную квартиру, так сразу и купит. Боксёр сто пятьдесят рублей стоит, а дворняжка каких-то два рубля. Боксёр — собака умная, поддаётся дрессировке, а дворняжка...

Денис не выдержал, перебил:

— Не ври, дворняжки тоже умные! Одна дворняжка, если хочешь знать, с ведром в зубах сама на колонку за водой ходит, и в киоск за газетами, и в магазин за продуктами...

Данилка разинул рот:

— Ну да...

— Вот тебе и «ну да». Она одному безногому фронтовику служит.

Денис повернулся к Ромашке:

— Разомри...

Ромашка облегчённо вздохнул и выпалил:

— А у нас щенок прозрел!

Денис вцепился Ромашке в рукав:

— Покажи!

Ромашка рад бы показать, да только сам не знает, где сейчас живёт щенок. Где-то далеко, через весь город ехать нужно.

Вокруг Ромашки уже собрались ребята со всего двора. Они спрашивали о щенке, заранее просили разрешения поиграть с ним...

Данилка, положив на «прилавок» все оставшиеся у него «деньги», захватил горсть рыбёшки и отошёл в сторонку.

Собирайся, народ,
Кто играть идёт!
А потом не примем,
За уши поднимем...

Это Данилка сманивал ребят.

Когда возле Ромашки не осталось никого, Данилка сложил дулю.

— Вот что есть у тебя, а не щенок, — сказал он. — Тебя водят за нос. Знаешь, что они сделали с ним? Они...

У Ромашки сами собой шевельнулись волосы на затылке. Он зажмурился и изо всех сил зажал руками уши. Он убегал, а Данилка говорил притихшим ребятам:

— Всех маленьких обманывают. Мне папа говорил, что я из лимона родился. А я родился от мамы. И мой папа от своей мамы. И все люди от своих мам...

Дома Ромашка сгрёб со стола конфеты и яблоки и побежал с ними к тётке Тоне. Руки были заняты, и он постучался ногой. Тётя Тоня открыла дверь. Он проскользнул к ней в комнату, положил на стол гостинцы и бросился вон.

Тётя Тоня оторопело молчала. Она пошла было за ним, тронула дверь в его комнату — дверь уже была заперта, Ромашка спустил защёлку. Она постучалась, позвала... Постояв немного под дверью, недоуменно пожала плечами и пошла звонить Валентину Ивановичу в школу: что-то стряслось с Ромашкой...

Ромашка в это время сидел на полу у стены и плакал горько-прегорько, уткнув лицо в ладони.

Глава восьмая

Поездка к генеральше

Ромашка с папой ехали на трамвае к щенку. Они сидели в самом конце второго вагона, и на скорости их здорово бултыхало. Ромашка валился на папу, а папа на Ромашку. Они оба смеялись и нарочно валились друг на друга. В вагоне, кроме них, никого не было, и можно было играть и громко смеяться.

До щенка ехать минут сорок. Это была счастливая поездка. Вчера папа пришёл с работы и долго утешал Ромашку, уверяя, что щенок действительно жив. Тётя Тоня возмущалась Данилкой и тоже убеждала Ромашку в том, что щенок живёт и здоровствует. Ромашка поверил им, тем более что папа пообещал свозить Ромашку к щенку в гости.

Всё было прекрасно в это утро. Трамвай великолепно грохотал, по улицам торжественно шли машины-поливалки, одна из них обдала трамвай упругими серебристыми струями, и Ромашка завизжал от восторга. Это было чудесное утро. На остановке рядом с трамваем остановилась запряжённая в повозку седая лошадка. Она подняла голову и доверчиво посмотрела Ромашке в глаза. Потом трамвай догнал милиционер на мотоцикле. В коляске сидела огромная овчарка. Она умно и внимательно смотрела вперёд. А потом в вагон вошёл толстый усатый и бородатый дядя и сел рядом с Ромашкой. На коленях дядя держал коробку, в которой

что-то скреблось и пищало. Ромашка всю дорогу смотрел то на коробку, то на дядино лицо, пытаясь разгадать, что же находится в коробке. Дядино лицо было непроницаемо. Уже собираясь выходить, дядя сердито сказал:

— У меня тут цыплята. Это вам не игрушки. Это для хозяйства.

На этой остановке папа с Ромашкой тоже вышли. Папа говорил:

— Ты заметил, Ромашка, что животные действительно не игрушки? Они трудятся, служат людям, приносят пользу... Лошадь — груз перевозит, овчарка — преступников ищет, цыплята — для хозяйства. Голуби тоже, между прочим, работают. Одни почту доставляют, другие — артисты, в цирке выступают, третьи, специально натренированные, контролёрами служат — мельчайший брак на деталях обнаруживают. Заметит зорким глазом изъян в детальке — хватать её клювом с конвейера!

Они вошли в девятиэтажку и стали ждать лифт. Папа продолжал увлечённо рассказывать о животных, перечислял ремёсла собак. Лайки — охотники и космонавты, сенбернары — спасатели, овчарки — пастухи, сторожа, санитары, пограничники...

— А дворняжки, пап, тоже умные! — подхватил Ромашка. — Одна дворняжка фронтовику служит, в магазин ходит.

Ромашка на всякий случай поднимает в папиных глазах авторитет дворняжки, защищает своего беспородного щенка. Папа всё понимает, улыбается.

Лифт плавно возносит их на последний этаж. Папа звонит в квартиру, дверь открывается, и их встречает строгая, величественная женщина. У неё седые волосы и чёрные глаза.

Когда Ромашка ехал сюда, то думал, что сразу прошмыгнёт в дверь и бросится к своему щенку. Но вид женщины был настолько внушителен, что Ромашка едва осмелился переступить порог. Он поздоровался вслед за папой и остановился, вытянув руки по швам.

— Ну, что ты передо мной, как перед генералом, стоишь? — спросила хозяйка квартиры. — Я ведь всего-навсего генеральша. А муж мой, генерал, умер.

Она порылась в карманах халата и протянула Ромашке шоколадную конфету. Ромашка глянул на папу.

— Угощают — бери, — сказал папа.

Тогда Ромашка протянул руку.

— Молодец, — заметила женщина. — Воспитанный.

Она не спешила показывать щенка. Пригласила Ромашку с папой в гостиную, предложила сесть. Стала рассказывать о своём муже, показала его именной кортик, достала альбом с фотографиями. Видно было, что она обрадовалась гостям. Пока Ромашка с

папой листали альбом, она приготовила чай. Ромашке вовсе не хотелось чаю, но он выпил целых две чашки, чтобы не обидеть одинокую генеральшу.

— К сожалению, замужем я потеряла свою профессию. У меня ведь диплом инженера-строителя... И вот теперь я шью, потому что человек не может жить без работы. Ваша соседка, Антонина Ильинична, чудесный человек, научила меня шить... Кстати! Вы пришли посмотреть щенка, а я, несносная старуха, совершенно заговорила вас...

Генеральша повернула голову к двери и произнесла повелительно:

— Нелли!

Дверь отворилась, и из соседней комнаты, стуча когтями по полу, устало вышла серая овчарка. Остановилась, глянула на хозяйку.

— Нелли, милая, покажи гостям Черныша.

Нелли неуклюже повернулась и вскоре появилась со щенком в зубах. Ромашка соскочил со стула, протянул руки, и Нелли бережно опустила щенка прямо к нему в ладони. Щенок смотрел на Ромашку мутноватыми глазками. Ромашка прижал его к груди и устремлял счастливый взгляд то на папу, то на генеральшу.

— А теперь отдай его Нелли, — велела генеральша. — Забрать его можно только через две недели.

Нелли унесла щенка.

— Какая умница! — похвалил овчарку папа.

— Воспитанная, — согласилась генеральша. — Человек должен воспитывать себя и своих животных. Недаром говорят, что собаки похожи на своих хозяев. И внешностью, и нравом.

Она глянула на Ромашку, словно проверяя, годится ли он в хозяева собаке. Ромашка невольно выпрямился.

— У нас во дворе, — продолжала она, обращаясь уже к одному Ромашке, — есть женщина, которая своего пёсика целовала, а чужих пинала. Когда же её пёсик превратился в пса, он тоже стал набрасываться на чужих собак. И на людей. И это закономерно.

Ромашка обратил внимание на то, что генеральша за всё время ни разу не улыбнулась и с Ромашкой она разговаривала как со взрослым. Её сдержанность, серьёзность очень понравились Ромашке. Он с нескрываемой симпатией смотрел на неё, и она, заметив это, вдруг смутилась, встала и принялась искать какую-нибудь игрушку, чтобы подарить её Ромашке. Игрушек у неё не оказалось, потому что у неё никогда не было детей. Ромашка с папой вскочили и заторопились домой.

Тогда она позвала Нелли.

— Нелли, гости уходят, проводим их вместе.

В прихожей Нелли встала на задние лапы, зубами сняла с вешал-

ки Ромашкину панаму и надела её Ромашке на голову. Ромашка засмеялся и сказал «спасибо».

— Ну, до свидания,— уже снова с важным видом произнесла генеральша.— Ждём вас через две недели. Кажется, у Черныша будет неплохой хозяин. Воспитанный...

Ребят во дворе не было. Один Данилка бомбил лужу обломками кирпичей. К нему подходить не хотелось, и Ромашка ушёл в противоположный конец двора. Присел там и занялся «крохотливой работой» — выкладыванием из разноцветных стёклышек разных фигур.

Вскоре над ним раздался голос Данилки:

— Ты что здесь делаешь?

Данилка без всякого смущения подсел к Ромашке и стал разглядывать разноцветную полоску.

— Это цветница,— объяснил Ромашка.— Вроде радуги. А хочешь, солнышко выложу?

Данилка пожал плечами:

— Ну, выложи.

Когда же Ромашка выложил солнце, Данилка оживился:

— Во здорово! Это будет наша мишень. Давай наберём камней и будем бомбить.

— Не надо бомбить солнышко, оно доброе, — возразил Ромашка.

— Подумаешь — солнышко! Оно же у тебя не настоящее.

Ромашка поднялся, растерянно посмотрел на своё солнышко. Оно рдело кругами, выложенными из рубиновых стёклышек, посылая — волна за волной — таинственный свет.

— Давай бомбить, — настаивал Данилка. — Как будто мы на учениях...

Ромашка повернулся к нему:

— Зачем? Скоро дети забудут играть в войну. Ведь войны больше не будет.

— Будет, — возразил Данилка. — Если не будет, то зачем же тогда бомбы?

— Они с прошлой войны остались. Их ещё не успели закопать, — убеждённо ответил Ромашка.

— Старые, может, и закапывают. А я тебе про новые говорю. Их же всё время делают.

Ромашка тревожно смотрел на Данилку и часто мигал, готовясь заплакать. Данилка примирительно положил руку ему на плечо:

— Чего ты? Я ведь учусь воевать не для того, чтобы нападать и слабых обижать, а как раз наоборот — чтобы защищаться и слабых в обиду не давать. Воевать нужно уметь для того, чтобы родину от врагов защищать. Так мне папа сказал. Вот почему я хочу быть командиром.

Ромашка ещё раз посмотрел на своё солнышко, вздохнул:

— Ну, тогда давай бомбить...

Данилка тоже глянул на солнышко, сказал:

— Нет, что-то мне расхотелось. Давай лучше махнём на пустырь, в пограничников поиграем...

Ромашка собрал стёклышки в баночку, встал, отряхнул колени.

— В пограничники надо с собакой играть. Вот привезём через две недели Черныша, тогда и пойдём на пустырь.

— Какого Черныша? — так и подался к Ромашке Данилка.

— Щенка моего, — радостно ответил Ромашка. — Он ведь целёхонек!

Данилка насупился, отвернулся. Ромашка обошёл его, заглянул ему в лицо. Данилка поднял прутик, стал ковырять землю.

— Я знал, что он живой... — неохотно признался Данилка. — Я наврал, а ты, глупый, поверил... — Данилка отбросил прутик

и сказал, снова отворачиваясь: — А мой папа, если хочешь знать, уже сто рублей на покупку боксёра отложил...

Данилка говорил неуверенным тоном. Наверно, снова обманывал. Но всё равно Ромашке стало жалко его.

— А если он боксёра не купит,— упавшим голосом добавил Данилка,— то я заведу себе хоть хомячка...

Глава девятая

Прерванное

счастье

Бормочет дождь, постукивает о жестяной щиток за окном. Папа проснулся, заглянул в Ромашкину кровать.

Вот уже неделю они живут вдвоём, мама в командировке.

Спит Ромашка. Губки разлепил, руку за голову закинул. Ушко отлёжанное, рубиновое.

Это уже не тот маленький, уютный Ромашка, к которому так привык папа Валентин Иванович. Позади бутылки с сосками, ползунки и пинетки, побрякушки и неваляшки. Давно позади. В одиннадцатый месяцев, помнится, он сам пошёл. Отпустил диван, шагнул раз-другой, поднял на маму с папой счастливые глаза... Исследовал коридор, кухню, комнату тёти Тони, а потом и двор. Теперь исследует пустырь. И передвигается уже не на трёхколёсном, а на двухколёсном велосипеде. Не угонишься за ним!.. Теперь он уже с папой боксом занимается. Удар правой сбоку, между прочим, обещает незаурядную силу. Это, естественно, вызывает у папы чувство гордости — смешной, наивной ~~гордости~~. Настоящее же, серьёзное чувство вызывает у папы то, что сын никогда не наносит удар в спину и никогда не бьёт лежащего. Валентин Иванович нарочно несколько раз поворачивался к нему спиной и падал на пол.

Тот, маленький, Ромашка был похож на прозрачный ручеёк, в котором виден каждый камешек на дне; теперь же ручеёк превратился в речку, где дна уже не видно. История со щенком показала, как стремительно взрослеет Ромашка, как набирает в нём силу самостоятельность. Папа с невольным уважением думает о Ромашкином характере. Есть чему и папе поучиться у сына...

Но вот Ромашка просыпается, обнимает склонившегося над ним папу.

— Когда же ты успел вырасти, Ромашка? — улыбается папа. — Был маленький — и вдруг стал большой-пребольшой...

Ромашка довольнёншенек. Он очень любит слушать такое.

— А помнишь,— смеётся папа, ставя Ромашку на пол,— как ты слонем хотел стать?

Ромашка сконфуженно трёт кулаком помятую пышущую щёку.

— А помнишь, как мы отучали тебя называть верблюда гагыгой, а потом сами так привыкли к этому слову, что уже ты нас поправлял?

Папа с сыном смеются, но Ромашка, вспомнив что-то важное, вдруг серьёзнее.

— Папа,— спрашивает он,— мухоморы можно есть?

— Нельзя. Они ядовитые.

Ромашка замолчал, задумался. Потом задаёт совершенно неожиданный вопрос:

— Так зачем же они тогда существуют?

Теперь задумывается папа. Ромашка в ожидании ответа строго глядит на него.

— Н-ну...— неуверенно отвечает папа,— если мухоморы очень хорошо выварить, то, говорят, их можно есть...

Ромашка удовлетворённо кивает головой и задаёт следующий вопрос:

— А зачем существуют злодеи?

Папа совсем теряется.

— Очень трудные вопросы ты задаёшь, Ромашка,— говорит он.— Не знаю, отчего или зачем они существуют. Знаю только, что разумные и добрые люди перевоспитывают их...

— И до сих пор не смогли перевоспитать?

— Да, сынок. Ещё и тебе работы хватит...

Ромашка вздыхает. Папа берёт его за руку и ведёт умываться.

Нужно умываться, одеваться, делать в квартире уборку. Вечером придет мама. Придет, и они сразу начнут собираться на юг в пансионат.

Ромашка умывается, одевается, ест, не сводя глаз с папы. Папа рассказывает о юге, о море. Море, говорит папа, большое и солёное. В нём живут дельфины, которые часто спасают тонущих людей. Дельфины умные, почти как люди...

Остатки завтрака Ромашка несёт Чернышу. Щенок дремлет в комнате в своём углу. Вчера набегался с детьми, сегодня никак не проснётся. Данилка советовал назвать его Блэком: отрывисто и звучно. И потому что в переводе с английского это означает «чёрный». Но Ромашка всё-таки назвал щенка Чернышом.

— Море далеко. Туда надо долго ехать на поезде.

Это уже Ромашка толкует Чернышу.

Ромашка сидит на полу, пересказывает щенку всё, что услышал от папы. Черныш слушает рассеянно. Вот он устремляется в погоню

за пролетевшей у его носа мухой, но Ромашка хватает его и водворяет на место. Потом Ромашка ложится на живот, показывает, как плавают, учит Черныша. Ромашка дурашливо барахтается в «море», а Черныш завзято носится вокруг Ромашки, тьякает, скулит, тащит его за штанину зубками. Это он спасает тонущего Ромашку. Ромашка смеётся, а Черныш сердится: он ведь серьёзно играет...

Наконец Черныш припадает на передние лапы, пригибает морду к полу, угрожающе рычит — и, испугавшись собственного рыка, прыгает в сторону, словно его отбрасывает пружиной.

Папа пылесосит ковёр, искоса поглядывает на их возню и улыбается. Один хорош — собаку плавать учит, другой не лучше — собственного голоса испугался...

Черныш и бегать-то ещё толком не умеет. Побежит-побежит, да вдруг споткнётся, через голову — кувырк! Желание быстро бежать — велико, заносит задние лапы далеко вперёд, а о передних забывает, не успевает ими — вот и летит кувырком.

— Опять сакробатил, — говорит Ромашка. — Ну, ничего, не горюй. Я тебя в собачью школу поведу. Ты ещё медаль получишь.

Папа говорит, что Черныша едва ли примут в собачью школу. Щенок явно беспородный, хотя сильно смахивает на лайку. Ромашка, услышав это, ничуть не обескуражился. Беспородный так беспородный. Безмедальный так безмедальный. Разве не бывает безмедальных героев? Вон Кирилл у злоющей сиамской кошки из пасти воробьёнка спас. Она Кириллу руки до крови поцарапала. А ему медаль никто не дал... А если Черныш заслужит медаль, то Ромашка повесит ему самодельную, из картона, обёрнутую конфетной золотинкой.

Папа отложил пылесос, сходил за газетами и сел в кресло отдохнуть, почитать...

Ромашка бегал на четвереньках вперегонки с Чернышом, прыгал с дивана и кричал, что он самолёт. Ему стало жарко, и он снял рубашку и штаны. В колготках он похож на рыбьего малька. На полу он постелил синее верблюжье одеяло — это море. Ромашка барахтается в море, приглашает папу. Но папа не идёт, сидит и сидит в своём кресле, как наказанный. Зато Черныш прыгнул в море без приглашения...

Папа кладёт развёрнутую газету на колени, задумывается. Ромашке нужен братишка. Или сестрёнка. Нет брата — он его в папе ищет, а папа при всём своём желании заменить собою брата не может. Спасибо хоть Чернышу — выручает. Не будь Черныша — пришлось бы сейчас папе на четвереньках бегать. Это в лучшем случае. При плохом же настроении и того бы не было. А у Черныша всегда хорошее настроение.

Как-то Ромашка спросил у папы: «Тебе со мной неинтересно?» Увы, Ромашка, не все твои игры интересны папе. Но папа в этом не виноват. Папа есть папа. Он взрослый.

Ромашка с Чернышом, казалось, не знали усталости. Они были неистощимы на выдумки. Они не откладывали счастье на потом, как это делают взрослые, и поэтому были счастливы каждый миг.

Вечером приехала мама и сразу дала своим мужчинам нагоняй. В квартире псиной пахнет. Верблюжье одеяло в собачьей шерсти. Ромашкины колготки все щенком изодраны. Теперь щенок и мамин колготки будет цапать, а они недёшево стоят...

И потом, надо ехать на юг, а собаку одну в квартире не оставишь, с собой тоже не возьмёшь. Не приспособлены пока пансионаты...

У Ромашки уже заблестели слезинками глаза. Папа скрестил руки на груди и мерял комнату быстрыми шагами из угла в угол.

— Знаешь, — нервно говорил он, — у нас в школе один товарищ из-за боксёра от путёвки на море отказался...

— Ты забываешь, — язвительно возразила мама, — что боксёр — порода и что твой так называемый товарищ за щенков деньги получает... Но если ты останешься дома — это будет глупо и смешно. В конце концов не человек для собаки, а собака для человека.

Что мог ответить на это папа?

— Пусть я буду плохая, — взглянула мать на Ромашку и снова повернулась к папе, — но кто-то должен взять на себя суровое решение. Вам хорошо играть в благородство. Но я скажу вам, что тем самым вы толкаете меня на неприглядную роль. И уже одно это с вашей стороны неблагоприятно. А я, решаясь на поступок, вызывающий ваши слёзы, как раз поступаю благородно. Ты понял, Ромашка? Помнишь, врач делал тебе больно «зубильной машиной»? Но это было необходимо...

— Ладно, — остановился папа. — Что ты предлагаешь?

Мама в продолжение всего разговора сидела на диване непримиристо выпрямленная, строгая. Теперь она расслабилась, откинулась на спинку дивана.

— Выход один — отвезти Черныша в деревню.

— Насовсем? — только и спросил Ромашка, прижимая к себе Черныша.

— Н-ну... Не знаю... Нет, не насовсем. На отпуск.

И ещё Ромашка спросил, есть ли там дети. Если есть, то хоть будут играть со щенком...

Глава десятая

Неприятное

путешествие и побег

Черныш лежал в коридоре с полным сознанием своей ответственности. Он сторожил квартиру и охранял людей.

А ведь ещё совсем недавно он не умел сходить по ступенькам. Он слетал с них, как от пинка, и в те мгновения вспоминал самое надёжное и уютное местечко в мире — у тёплого, пахнущего молоком брюха матери. Он ушибался и обиженно скулил. Тогда Ромашка брала его на руки и говорил, что ему ещё рано прыгать по ступенькам. В его ласковых ладошках Черныш снова забывал тот тёплый податливый живот, в который он когда-то давно тыкался мордочкой, ища молока. На руках у Ромашки Черныш замирал и зажмуривался. Тогда он был совсем маленький, а когда подрос, стал рваться с рук, предпочитая находиться у ног хозяина. Таким образом, уже не Ромашка защищал его, а он верно охранял Ромашку...

Чувство преданности распирало Черныша, доходя до невыносимого восторга, и однажды Черныш решил вовсе не спать ночами и лежать на коврикe в коридоре с открытыми глазами и настороженными ушами. Ромашка спит в кровати, все спят. Ночью люди слабые, беззащитные — Черныш снисходительно фыркал, — ночью один он, Черныш, отвечает за них, за их жилище. Подумать только!..

Черныш вслушался в тишину ночи и даже гордо привстал на передние лапы. Попробуй сунься страшная чёрная кошка, у которой глаза как две маленькие жуткие луны! Если обычно Черныш боится тебя, то сунься ты только к Ромашке — Черныш разорвёт тебя в клочья!

Тишина и темнота смаривали Черныша. К сожалению, не было повода, чтобы проявить свою преданность, а чувства этого было через край, и нужно было с ним что-то делать. Тогда Черныш дотянулся до Ромашкиных ботинок и полизал их. Потом положил морду на ботинки и задремал. О нет, это совсем не значило, что он не сторожил более! Он и в дремоте весь был начеку. Что называется ушки на макушке.

Утром Ромашка не выпускал Черныша из объятий. Мама заговорила с Ромашкой сначала ласково, а потом строго — и отобрали у него Черныша. При этом Черныш почувствовал, что Ромашка не хочет отдавать его — Черныша именно отобрали у Ромашки. Черныш хорошо запомнил это.

Завёрнутый в тряпку, Черныш встревоженно вертел головой, глядя то на Ромашку, то на его маму, пытаясь понять что-нибудь по их лицам. Что-то произошло между Ромашкой и его мамой, и нужно было их примирить. Черныш улыбался и тянулся к ним мордой, чтобы лизнуть каждого из них, но он был спелёнат, и лизнуть никого не удалось. Только когда Ромашка сам наклонился к нему, Черныш лизнул его в щёку. Щека была солёная.

Потом Черныш очутился в сумке. Его куда-то долго несли и везли. В сумке было темно и душно. Черныш чихал и всё пытался выпрыгнуть из сумки, но это было невозможно. Наконец Ромашкина мама догадалась открыть сумку. Сумка стояла у неё на коленях, и Черныш сразу ткнулся носом в автобусное окно. Автобус шёл по мосту: далеко внизу играла солнечными зайчиками река. Кто-то открыл окно, и от реки дохнуло облегчающей прохладой. Черныш с жадностью хватал свежий воздух.

Сразу за мостом тянулась бесконечная стена, за стеной в самое небо дымила труба.

Черныш внимательно следил за всем, что проносилось перед глазами.

За городом автобус свернул на полевую дорогу, и нос забило пылью. Потом в окно вплыл сырой холодный запах леса. За лесом снова открылось поле, на котором там и сям стояли огромные собаки, только с рогами. Эти чудовища страшно мычали, и Черныш не знал, то ли зарычать в ответ, то ли лучше спрятаться с головой в сумку. Он поступил так: спрятался в сумку и зарычал.

— Трус, — сказала Ромашкина мама. — Это коровы.

Черныш никак не мог понять, зачем она привезла его в такое ужасное место.

Автобус остановился. Ромашкина мама вышла и понесла Черныша в чужой дом. В доме она выпустила его на пол. Он осторожно обнюхал ножки стульев, кровати. Ничего интересного. Тогда он сел посреди комнаты и стал терпеливо ждать, когда Ромашкина мама наговорится. Она говорила очень долго, и он, теряя терпение, отсаживался всё дальше, приближаясь к порогу. Посидели в гостях, пора и честь знать. Уже давно домой хочется. Чернышу хотелось напомнить об этом, заскулить тихонько, но он тактично молчал и только лишь глазами отчаянно звал Ромашкину маму домой.

Хозяева дома, старые, полные, вызывающие доверие люди, захотели подержать Черныша на руках. Он и это стерпит. Ладно уж, подержите...

Но тут происходит совсем уж неожиданное. Ромашкина мама берёт пустую сумку и уходит! Она забыла Черныша!..

Черныш вырвался из рук старика, упал, ударившись мордой об пол, но даже не взвизгнул — какая тут боль, когда тебя забыли, когда ушли без тебя! — и бросился за Ромашкиной мамой. Увы, дверь уже была крепко притворена.

Старик поглаживал его, успокаивал, старуха совала куриную косточку, но он не принимал ни ласки, ни лакомства, а только смотрел неотрывно на дверь.

Так он просидел до вечера. Старик со старухой ложились рано. Они выключили свет, и только тогда Черныш покинул свой пост и забился под кровать. Всю ночь он ворочался, поскуливал, вздыхал. Не спалось ему в чужом доме под чужой кроватью. Черныш беспокойно перебирал лапами, перекладывал морду то на одну, то на другую сторону, задрёмывал на короткое время, вздрагивал и снова видел, что он в темноте под чужой кроватью. Снова и снова он разлеплял веки и поводил ушами. Нужно быть начеку — в любой момент может приоткрыться дверь... Пусть она только приоткроется — Черныш стрелой вылетит на улицу! Он знает, куда бежать. Он отлично помнит дорогу, в самом конце которой — порог, пахнувший вкусной кожей Ромашкиных ботиночек...

Дверь не отворялась. А утром старик, добродушно похлопав Черныша по спине, нацепил ему на шею ремешок. Только после этого открылась дверь. Черныш рванулся — ремешок сдавил горло. Старик не отпускал поводок. Черныш яростно стаскивал ошейник обеими лапами, но освободиться не удалось. Тогда он сел и, вытянув острую морду, безутешно завыл на старика со старухой. Старуха сокрушённо качала головой, старик тяжело вздыхал...

Уже много дней жил Черныш в конуре возле курятника. Его раздражали кудахтаньем глупые куры, и он то и дело бросался на

них, выхватывая иной раз перо-другое из нерасторопной курицы. Так дотемна он воевал с курами, и время за делом шло незаметно, а ночами он выл. От тишины и одиночества нападала на него тоска, и он воем своим звал кого-то, жаловался кому-то...

Вот и сейчас он с тоской следил, как прокрадываются в деревню серые сумерки, а вслед за ними надвигается непроницаемая ночь. С избы, с конька глянула на него луна — и ночь тотчас превратилась в огромную чёрную кошку, бесшумную, одноглазую... Глаз смотрел прямо на Черныша. Это было нестерпимо. Он смотрел неотрывно, не мигая, и Черныш завыл в ужасе на этот жёлтый холодный глаз.

Глаз этот напомнил Чернышу обитавшую в Ромашкином дворе кошку. Счастливая кошка — она у себя дома, и она каждый день видит Ромашку... Черныш встал, беспокойно забегал, звеня цепью. Цепь натянулась, дёрнулась. Черныш рванулся всем телом вперёд, потом ещё и ещё... Ветхий ошейник, перееденный железным кольцом, лопнул — и Черныш кубарем покатился по земле.

Вскочив, он не промедлил ни секунды. Силы его мгновенно удесятерились. Прижав уши, он помчался по светлой дороге... Под лапами взрывалась пухлая тёплая пыль.

Черныш бежал, не останавливаясь ни на минуту. Он быстро устал, но продолжал бежать, свесив язык и дыша пастью.

Вот пахучий, нагретый за день асфальт. Вот длинная стена и труба за ней. Вот тусклая гладь реки и — мост.

Черныш сел. На мосту — рокот, ослепительный свет, движение, люди. Тянет удушливым запахом. Стучат отбойные молотки, звякают лопаты. Кто-то заметил собаку, призывно похлопал ладонью по колену.

Черныш встал, отошёл. Сел поодаль ждать, когда уйдут люди. Но неутомимые люди и их рычащие машины и не думали уходить.

Город между тем проснулся. Стали гроыхать трамваи, появились прохожие. Черныш не мог больше ждать. Спустился к реке, зашёл в воду и, вытянув морду, поплыл. На другом берегу встряхнулся всем телом и снова побежал. Теперь он бежал медленно, то и дело оглядывая прохожих и шарахаясь от тех, кто его подзывал.

Вот наконец двор, вот ступеньки. Обессиленный, счастливый, он упал возле своей двери.

Черныш открыл глаза на раздававшиеся снизу шаги. Это поднималась Ромашкина мама. Она остановилась и долго смотрела на Черныша.

— Здравствуй, гость неожиданный... — наконец произнесла она.

Черныш вильнул хвостом.

— А я Ромашку в садик отвела...

При слове «Ромашка» Черныш вскочил. Открылась дверь. Черныш тотчас обрыскал всю квартиру, жадно хватая знакомые, родные запахи. Не в силах вынести обилие запахов, о которых он так мечтал всё это долгое время, Черныш опустился в коридоре на пол — коврик уже убрали — и лежал неподвижно в каком-то удивительном полусне.

Ромашкина мама подставила ему мисочку с остатками супа. Он полакал и задремал.

Когда он открыл глаза, Ромашкина мама приступила к нему с той самой тряпкой, в какой увозила прошлый раз... Черныш даже не сопротивлялся, он сразу стал как тряпичный. И только оказавшись в сумке, чуть слышно заскулил.

— Не плачь, — сказала Ромашкина мама. — Ничего не понимаешь, так и не плачь. Думаешь, мне самой плакать не хочется...

Глава одиннадцатая

Вопрос

государственной важности

Поездка на юг не состоялась. Папа со дня на день должен был получить ордер на новую квартиру. Он отпускал маму с Ромашкой на море одних, но они, разумеется, не поехали.

Весь август прошёл в ожидании. Ордер выдали только в сентябре, а получить ключи и въехать в новый дом можно было только в начале октября. Время проходило в радостных хлопотах. Ромашка давно упаковал игрушки. Короба не хватило, и он уложил часть игрушек в авоську. Папа укладывал книги стопками и перевязывал стопки шпагатом. Мама бережно заворачивала в бумагу хрустальные бокалы — каждый отдельно — и складывала их в чемодан. Купили новую люстру, новые занавески, зеркало для прихожей...

Ромашка ходил в детский сад. Папа не хотел отдавать его в детский сад, говорил, что там, в шуме и гаме, ребёнок не сможет вслушиваться в себя, думать, мечтать, но мама только сердито отмахивалась. Не будет поэтом — будет экономистом, говорила она. Главное, чтоб был человеком хорошим.

На это папа не мог возразить.

Детсад был в новом районе, где они будут жить. Мама каждое утро отвозила туда Ромашку на троллейбусе. Ромашке нравилось ездить на троллейбусе, смотреть сквозь прозрачную дверь на водителя, воображать себя водителем, но всякий раз, когда приходило время расставаться с мамой и идти в группу, настроение у него падало.

Всё в садике было хорошо, кроме одного: после обеда спать заставляли. Ромашка днём спать не привык, а тут лежи на раскладушке — не шевелись, глаз не открывай. Глаза откроешь — заругают. Спи, положено спать! Спи — это полезно... Ромашка каждый раз добросовестно пытался уснуть, но не получалось. Попробуй усни насильно! А пролежать час с закрытыми глазами было очень трудно.

Но делать было нечего — лежал, терпел.

Плохо было и то, что с площадки не разрешалось никуда уйти.

На площадке есть, конечно, врытый в землю железный пароводник с трубой, но к штурвалу всегда очередь. А в беседке сидеть скучно. Как-то увидел Ромашка дроздов, пошёл посмотреть, как они рябину склёвывают, а воспитательница, Анна Фёдоровна, поймала его, как будто беглеца, привела на площадку и отругала. У неё детей в группе много, а она одна.

В других группах воспитательницы бегают с детьми, в прятки с ними играют, а Анна Фёдоровна только книжки вслух читает. Она не молоденькая бегать: через год на пенсию выходит...

Вечером, накануне переезда, упаковывали последние вещи. Папа с мамой обкладывали сервант поролоном и обвязывали шпагатом, чтобы при перевозке не поцарапалась полировка. Поролон не хватило, и мама, оглядев комнату, спросила:

— А где коврик, на котором спал щенок?

Ромашка с готовностью бросился к коробу с игрушками, порылся в нём, достал коврик.

Мама улыбнулась:

— А почему он оказался в твоём коробе?

— Как почему? Это же коврик моего Черныша!

— Вот как? Значит, ты ещё не забыл щенка?

Ромашка с удивлением посмотрел на маму. Он понимал, что всё это время родителям было не до щенка, и терпеливо ждал, когда мама вспомнит своё обещание и привезёт щенка назад.

Мама вздохнула, села на диван.

— Давайте-ка ещё раз обсудим, — сказала она, строго и многозначительно глядя на папу, — как быть со щенком.

Она говорила, что держать в квартире собаку неудобно, негигиенично. Собака по утрам скулит — не поспишь. Её надо выгуливать, всё время следить, как бы она с бродячей собакой не снюхалась, какой-нибудь заразы в дом не притащила бы. И потом, все эти прививки, поводки, намордники... Кормёжка... Забот как с ребёнком.

— Но ты же обещала... — пролепетал Ромашка, испуганно глядя на маму.

— А я ничего и не говорю... Я только к тому, что надо серьёзно подумать. Следует задаться и другим вопросом: где щенку лучше?

Ромашка перевёл взгляд на папу. Папа, скрестив на груди руки, ходил взад-вперёд по комнате.

— Понимаешь ли, дорогая... — подбирал он слова. — Там, конечно, воздух и всё такое прочее... Но дело гораздо серьёзнее.

— По-твоему, я несерьёзный человек? — оборвала мама. — Мне кажется, что я рассуждаю как раз серьёзнее всех. А вот ты... ты просто захотел побыть добреньким...

Папа беспомощно посмотрел на сына. Сын не сводил с него глаз.

— Речь идёт не обо мне, — мягко возразил папа, — а о Ромашке и Черныше. О дружбе. Это вопрос не такой уж частный. Я бы сказал, что вопрос государственной важности.

— Мама! — закричал Ромашка. — Я знаю, Чернышу будет хорошо со мной! Я буду его воспитывать, мама!..

Мама молчала, и папа сказал примирительно:

— Все держат — и ничего...

— Все!.. — возмутилась мама. — Мода на собак пошла. Собакомания... Я, простите меня, не поэт. Я экономист. И буду говорить как экономист. И тоже с государственной точки зрения. В нашем дворе, я посчитала, двести детей. Если их всех сразу вывести, то они в этом так называемом дворе не поместятся. В этом дворе выбивается полтысячи ковров и дорожек, вытряхивается триста пылесосов и выгуливается около ста собак и кошек. Вот так. И находятся люди, которые хотят добавить к этому безобразию.

Чтобы остаться победительницей, мама встала и гордо вышла на кухню.

Папа вытянул руки, посмотрел на свои дрожащие пальцы, потом на забившегося в угол Ромашку и сокрушённо покачал головой.

— Да, братец ты мой... Вот такая ситуация... Нужны, конечно, выгульные площадки. И платные питомники нужны, куда можно было бы сдавать собак, кошек на время отпусков, командировок... Когда-нибудь, я уверен, всё это будет...

Папа говорил рассеянно, прислушиваясь к двери: что там мама?

Ромашка пошёл за ней на кухню. Она, оказывается, плакала там, приклонясь лбом к шкафчику.

— Вы с папой думаете, что я бессердечная, — говорила она, вытирая носовым платком слёзы. — Ничего вы не понимаете... У меня, может быть, нелёгкий характер. Но я хочу убедиться, что вы действительно преданы этому маленькому существу. Вы можете сделать его счастливым или... очень несчастным.

Ромашка насильно привёл её в комнату и стал бегать от мамы к папе, пытаясь навести мир и согласие. Наконец он не выдержал и сказал:

— Вы оба хорошие, — говорил он. — И ты, папа, и ты, мама... Вы не бойтесь. Я не отдам вас в дом престарелых...

Мама с папой, как по команде, повернулись к нему. Они молчали, ожидая разъяснений. Разъяснения последовали:

— Кирилл сказал, что, когда вырастет, отдаст своих маму и папу в дом престарелых. За то, что они обманули его. Сказали, что собака от него убежала, а сами нарочно её на даче бросили...

Мама изменилась в лице. Бледная, смотрела она на папу, а папа на неё.

Глава двенадцатая

В деревне

С крыши курятника сползал толстый пласт снега. Сначала высунулась белая остромордая голова, свесилась с края. Затем показали широкие белые лапы. Чудище долго принюхивалось и всё не решалось прыгнуть.

Черныш ждал. Он повзрослел и уже не боялся ни рогатых, ни желтоглазых, ни каких-либо других чудищ. Напротив, он храбро облаивал каждую корову и лошадь, проходившую мимо двора. Для этого он вспрыгивал на поленницу. Оттуда удобнее было провожать лаем коров и лошадей, которые, впрочем, делали вид, будто вовсе не слышат лая. Черныш лаял им вслед, пока они не скрывались из виду, лай его становился всё более безразличным, никакого удовольствия он уже не доставлял, и Черныш иногда даже заканчивал «баталию» зевком.

Чу! Снежный зверь, сползая с курятника, осторожно шоркнул брюхом.

Черныш слегка вздыбил шерсть. Хорошо бы схватиться с врагом!

Чудище ухнулось — Черныш вскочил...

Увы, сражаться было не с кем — у конуры лежала всего лишь куча снега.

Черныш огляделся: видел ли кто-нибудь, как он вскочил, как принял боевую стойку? К сожалению, во дворе не было никого, кроме глупых кур... Черныш понюхал снег, полакал из лунки, лёг. Ему стало скучно, и он даже не рычал на кур, что забредали на его территорию и квохтали у самого носа. Так он долго лежал с равнодушным видом. На него нашла тоска.

С крыши курятника, с шиферных желобков срывались увесистые капли. Они продолбили в снегу много ямок. Ночью ямки промерзали, а к полудню оттаивали, и капли сочно шлёпались в них. Сначала они падали редко и мерно, потом всё чаще, всё лихорадочнее, вперевод и наконец текли струйками.

Возле конуры на снегу чётко обозначился вытоптаный Чернышом полукруг, дальше которого невозможно было дотянуться ни на полкогтя. Хозяин до сих пор держал его на цепи.

Кормили Черныша досыта. Старуха то и дело носила ему в особой миске косточки, хрящики, требуху, остатки супа и каши, кожицу от сала, хлебные корочки, куски пирога... Вот и сейчас она вынесла целую горсть ароматной колбасной кожуры. «Ешь, Чернышка». Хозяйка стоит, ждёт. Ей всегда доставляет удовольствие смотреть, как Черныш поглощает еду. «Что-то ты не встаёшь? Не

заболел ли?» Она подсовывает миску к самому носу Черныша. Черныш сыт, но от колбасной кожуры исходит такой дух, что удержаться невозможно. «То-то», — удовлетворённо говорит хозяйка. Она поглаживает Черныша: «Заскучал... Чай, побегать хочется... Как же, молодой! Вот погоди, пойду уговорю деда отпустить тебя. Будет тебе на цепи сидеть».

Старуха ушла в дом. Через некоторое время на крыльце появился старик. Он направился к Чернышу, и Черныш радостно запрыгал, порываясь к нему навстречу.

«Ну, Чернышка, не сбежишь? — спрашивал старик, ласково потрёпывая голову собаки. — Поди, притерпелся к нам, старикам. Да и чем тебе тут не житьё? Мы тебя не обижаем. А что гулять не пускали, так ведь тебя и следовало держать в сохранности. Ты ведь по своей щенячьей глупости снова сбежал бы да и ввалился бы в какую-нибудь беду... А нам тебя жалко, мы ведь тебя, хорошего, полюбили. Слышь?.. Как подумаем, что без тебя останемся — сбежишь или приедут за тобой, — так и прослезимся со старухой. Ты уж не бегай от нас, не рви нам, старикам, сердце...»

Черныш внимательно слушал хозяина, глядя ему в глаза и поводя острыми ушами. Речь старика была ласковой и тревожной. Черныш лизнул руку старика. Тот, бормоча что-то, стал отстёгивать ошейник.

Черныш вслушивался в движения его больших неловких пальцев и весь дрожал...

Глава тринадцатая

Черныш

пропал

Ромашка живёт в новом доме на девятом этаже. У него теперь есть своя комната. Там стоит кровать, тумбочка с игрушками, стол и стул. На стене развешаны Ромашкины рисунки. Сначала их развесил папа. Маме это не понравилось, и она снимала рисунки. «По правилам хорошего тона, — сказала она, — в квартире можно вешать только подлинные картины настоящих художников». Тогда папа стал раскладывать рисунки на полу. Разложит, сядет и рассматривает. Это тоже задевало маму. «Чем ты там любишься?» — однажды спросила она. «Лебедем», — ответил папа. Мама недоверчиво присмотрелась к рисунку, недоуменно пожала плечами. Начался спор: папа доказывал, что это настоящий лебедь и даже лучше настоящего, что это прекрасный лебедь, а мама отвечала, что так

нарисовать может каждый — следовательно, это не настоящее искусство. Тогда папа предложил ей самой изобразить такого же лебедя. Мама снисходительно взяла карандаш. Лебедь у неё вышел очень толстый. Он был похож на свинью с крыльями. На тоненьких ножках у него каким-то образом получились квадратные копыта. Мама покраснела и порвала свой рисунок. Сердито глянув на папу, она встала и с гордым видом вышла из комнаты. Ромашке стало жалко маму, он пошёл было вслед за ней, но в этот момент она сама вернулась, поцеловала Ромашку и собственноручно развешала на стене его рисунки. Все до одного.

Затем она отыскала оставшийся от детской коляски матрасик и положила его в Ромашкиной комнате в углу. «Здесь будет спать твой Черныш».

Скоро родители привезут Черныша...

До сих пор выходные проходили в хлопотах. То обои клеили, то стены перекрашивали, то антресоли сооружали... Так прошла зима. Ромашка стойко ждал: родители дали слово, что заберут Черныша, как только высвободится время. Он им и не напоминал о Черныше — они теперь сами то и дело говорили о нём.

На новом месте Ромашка познакомился со многими ребятами, но больше играл по-прежнему с Данилкой, который тоже переехал в

этот дом. По вечерам Данилка заходил за Ромашкой, и они втроём — Ромашка, Данилка и его щенок Дик — катались на лифте. Потом шли во двор, барахтались с Диком в снегу.

Дик — спаниель. Его купила Данилкина мама. Она не любит боксёров, а спаниелей обожает. Дик — добродушный, доверчивый и смешной. Когда он ходит опустив голову, то кажется, что вот-вот оттопчет себе уши. Данилка души в нём не чаёт. Он объясняет Ромашке, что если у спаниеля кончики ушей достают до носа, то это признак хорошей породы. В который раз он для убедительности прикладывает уши Дика к носу. И завиток шерсти на затылке должен закручиваться вправо. Тоже верный признак хорошей породы. Данилка, кажется, не вынимает палец из этого завитка, словно боится, как бы он вдруг не развился или не закрутился бы влево.

Прогулки с Диком во дворе вскоре, однако, прекратились. Во дворе собак выгуливать нельзя. Ребята особенно боялись Кобры. Коброй звали тётку, которая свешивалась с балкона и ругала детей за всё, что бы они ни делали во дворе. Она пригрозила, что оштрафует Данилкиных родителей, и в данном случае она была права. На выгульную площадку Данилка боялся ходить — там какой-то мальчишка натравливал свою огромную собаку на маленького Дика. Бывало так, что Данилка стоял посреди двора с Диком на руках и плакал, не зная, куда с ним деться. Тогда Ромашка предложил водить Дика на пустырь, где когда-то стоял дом Мухомора. Дом снесли: к месту, где он стоял, всё ближе подступала чащоба из вколоченных в землю железобетонных свай. Идти было неблизко, но другого выхода не оставалось. Данилка один ходить туда не отваживался, и Ромашка каждый раз сопровождал его.

«Скоро будем ходить туда вчетвером — ты, Дик, я и Черныш,— говорил Ромашка.— Осталось ждать одну неделю, до следующего выходного».

Автобус добирался до деревни очень долго. Дорога была в выбоинах, в глубоких лужах.

Наконец автобус остановился. Деревня встретила приезжих тишиной: против ожидания, не послышалось даже лая.

— А вдруг Черныш меня не узнает? — с неожиданной тревогой спросил Ромашка.

— Узнает, не беспокойся,— ответила мама, направляясь к знакомому двору.

Вошли в калитку, остановились. С крыльца навстречу к ним неуклюже торопился толстый старик с непокрытой седой головой. Он развёл руками:

— Убёг щенок. Нынче убёг...

Старик пучил на гостей испуганные серые глаза. Мама побледнела, глянула на Ромашку. Тот обеими руками вцепился в папину руку и смотрел не мигая на старика.

— Как же так? Что же теперь делать? — упавшим, беспомощным голосом спрашивал папа.

Старик ссутулился, виновато развёл руками, а мама обняла Ромашку и сказала самым решительным тоном:

— Не надо отчаиваться. Я прекрасно знаю, где он. Он лежит у порога нашей старой квартиры. Едемте!

— Э-хе-хе! Автобус-то ушёл, — повёл рукой в сторону дороги старик. — Пожалуйте в избу, чайку попьём. Теперь автобус только к вечеру будет...

Ромашка покорно пошёл вслед за родителями в избу. Он вдруг сделался вялым и безразличным и даже не замечал, что по щекам его катятся слёзы.

Тягостно было сидеть, пить чай, слушать старика.

— Поначалу всё выл... — рассказывал старик. — Послушаешь — сердце от тоски-жалости разрывается. А так весёлый был, с соображением. Ласку понимал...

Старик говорил с таким грустным выражением лица, что казалось, он вот-вот заплачет.

На прощание старуха подарила Ромашке кулёк сушёных яблок, а старик — большое увеличительное стекло. Вместе с гостями они вышли на дорогу.

— Зря он сбежал, зря! — сокрушался старик. — Только в беду ввалится...

В автобусе ехали молча.

Мама крепко прижимала к себе Ромашку.

Когда автобус подъезжал к городу, папа сказал решительно:

— Будем искать Черныша. Я всю школу подниму...

Глава четырнадцатая

«Позовите щенка»

Наутро в садике объявили карантин, и мама привезла Ромашку обратно домой. Наспех растолковала ему, что разогреть на завтрак, и уехала на работу.

В обеденный перерыв она прибежала к тёте Тоне, чтобы узнать, не появлялся ли в подъезде или во дворе Черныш. Тёти Тони дома

не оказалось, и она позвонила в двери к соседям по лестничной площадке. Никому на глаза щенка не попадался. И только Денис, встретившийся Ромашкиной маме во дворе, рассказал, что поздно вечером видел из окна незнакомого щенка, который лежал, свернувшись клубочком, на канализационном люке. Денис даже по-свистел ему, но тот, хоть и поднял голову, на свист не подбежал. Судя по всему, это был Черныш.

Это сообщение обнадёжило Ромашкину маму. Она стала обходить соседние дворы...

Так и не встретив Черныша, она решила оставить тётке Тоне записку с просьбой впустить щенка в квартиру и дать ему временное прибежище, если только тот появится. Прижимая бумагу к стене, она писала записку. В это время в подъезд вбежала девочка в очках.

— Тётенька, тётенька, — кричала девочка, — там вашего щенка ловят!

Девочка тотчас крутнулась и побежала вон. Ромашкина мама бросилась вслед за ней.

Во дворе стоял зелёный, в грязных разводах автофургон. Поодаль сидел на снегу Черныш. С трёх сторон к нему подбирались собаколовы. В руках у одного из них был шест с верёвочной петлей на конце, у двух других — сеть.

Из кабины выпрыгнул толстяк шофёр в кирзовых сапогах и в куцей телогрейке. Растопырив руки, он тоже пошёл на щенка.

Черныш вскочил, тревожно огляделся. Прижав уши, кинулся в одну сторону, в другую... Везде натыкаясь на преграду, он стал бегать по кругу, но круг всё сужался и сужался. Наконец Чернышу не осталось места для беганья, и он сел.

— Стойте! — закричала Ромашкина мама. Она метнулась к собаколовым.— Стойте! Что вы делаете? Это моя собака...

Собаколовы повернули лица в её сторону. Шофёр окинул её недоверчивым взглядом и сказал:

— Никакая она не ваша. Видали мы таких сердобольных дамочек. Накрывай, ребята, щенка сетью!

Собаколовы снова приготовились, но на этот раз их остановил окрик высокого седого мужчины:

— Стойте! Как вы смеее! Вам же сказано — собака не бродячая, вот её хозяйка...

— Хозяйка? — недовольно переспросил шофёр.— Выдумываете!

Во дворе уже собралась целая толпа. Одни говорили, что собаколовы правы, что брошенных собак развелось видимо-невидимо и их надо отлавливать и сдавать в виварии или уничтожать, другие возмущались тем, что собаколовы хватают также и хозяйских собак, стоит зазеваться их владельцам...

— Они на работе, у них свои обязанности,— скрипучим голосом тянул сухонький старичок в очках.— Вы же не хотите, чтобы вас или вашего ребёнка искусала бродячая собака? Тогда не мешайте товарищам выполнить санитарную миссию.

— Живодёры прокляту-

щие! Им всё равно, бродячая собака или нет. У них ведь как: чем больше отловят, тем лучше. Что ни собака — то три рубля, — гневно говорила деревенского вида женщина в пуховом платке, с сумкой, из которой торчал банный веник.

Шофёр возмущённо оглянулся на женщину:

— Чего шумите? Ничейный это щенок. Если бы он принадлежал этой дамочке, то сразу бросился бы к ней. А он не признаётся — сами видите...

— В самом деле... — произнёс кто-то в толпе.

— Ручаюсь, она даже не знает, как его звать, — усмехнулся шофёр.

Люди притихли.

— Что ж, сейчас установим истину, — сказал высокий седой мужчина. — Нет ничего проще. — Он повернулся к Ромашкиной маме: — Позовите щенка.

Щенок внимательно смотрел на Ромашкину маму. Он следил за каждым её движением.

— Черныш, — позвала она.

Щенок повёл ушами, шевельнул хвостом, но продолжал сидеть.

— Черныш, ко мне!

Черныш переступил передними лапами, но встать не встал. Он насторожённо смотрел на Ромашкину маму.

— Черныш, Черныш! — звала она. — Глупенький, иди же ко мне, не бойся!..

Собаколовы не сводили со щенка глаз. Ромашкина мама бросилась к Чернышу — тот вскочил и отпрянул. Шофёр тотчас преградил ей путь:

— Э, не-ет!.. Давайте, дамочка, по-честному...

— Черныш, Черныш... — плакала Ромашкина мама. — Прости меня... Я во всём виновата... Я...

Люди стали расходиться. Шофёр снова растопырил руки и двинулся на щенка. Тот прижал уши и отскочил. В следующее мгновение собаколовы должны были набросить на него сеть. И тут тишину пререзал пронзительный крик:

— Черныш!!

Это кричал Ромашка. Он бежал по глубокому снегу со стороны пустыря. Вслед за ним, едва удерживая на поводке Дика, ковылял Данилка.

Черныш вскинулся. Собаколовы набросили сеть, но она накрыла пустое место — Черныш стрелой проскочил между ног шофёра и помчался к Ромашке.

Ромашка споткнулся, упал на колени — в это мгновение Черныш обрушился на него. Вместе они повалились в снег. Ромашка обнимал Черныша, а тот лизал его в лицо...

Проваливаясь в снегу, к ним шла Ромашкина мама, за ней — папа и с ним весь его любимый пятый класс... Возле Ромашки с Чернышом топтался Данилка. Дик рвался с поводка — ему не терпелось познакомиться со щенком.

Ромашка поднялся. Черныш радостно подпрыгивал, доставая языком мокрое Ромашкино лицо.

— Ты меня искал, Черныш?..— повторял Ромашка.— Правда же, искал? Я тебя тоже...

0,20т

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. РОМАШКА, «ВОЛК» И ДРУГИЕ	3
Глава вторая. ЗАПРЕТНАЯ ДРУЖБА	7
Глава третья. НОВОСТИ ПЕЧАЛЬНЫЕ И НОВОСТИ РАДОСТНЫЕ	14
Глава четвёртая. СЕДЬМОЙ ЩЕНОК	17
Глава пятая. РЫЖАЯ	21
Глава шестая. ЩЕНОК СПАСЕН, ЩЕНОК В ОПАСНОСТИ	24
Глава седьмая. ПРАВДА — КРИВДА	27
Глава восьмая. ПОЕЗДКА К ГЕНЕРАЛЬШЕ	30
Глава девятая. ПРЕРВАННОЕ СЧАСТЬЕ	36
Глава десятая. НЕПРИЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И ПОБЕДЫ	42
Глава одиннадцатая. ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ	48
Глава двенадцатая. В ДЕРЕВНЕ	52
Глава тринадцатая. ЧЕРНЫШ ПРОПАЛ	54
Глава четырнадцатая. «ПОЗОВИТЕ ЩЕНКА»	58

Нечаев Л. Е.

Н59 Ромашка и Черныш: Повесть/Рис. С. Ярово-
го. — М.: Дет. лит., 1988. — 64 с.: ил.

ISBN 5—08—000734—6

Повесть о маленьком мальчике, который живёт в доброй и дружной семье. В истории со щенком проявились черты характера этого мальчика: чуткость и нежность, твёрдость и ответственность.

Н 4803010102—220 287—88
M101(03)-88

ББК 84Р7

ISBN 5—08—000734—6